

Неуязвимая

Автор:

[Anne Dar](#)

Неуязвимая

Anne Dar

Дикий Металл #4ноДАР #1

Канада, середина последнего десятилетия двадцать первого века. Человечество пережило столь многое количество глобальных потрясений мирового масштаба, что люди прекращают удивляться новым потенциальным угрозам и быть готовыми к их последствиям. Поэтому когда мироустройство в считанные часы меняется из-за аномальных звуковых атак неизвестного происхождения, выживают только сильнейшие, злейшие и те, кому повезло больше остальных. В новом мире, погрязшем в анархии и жажде к выживанию, пытается найти баланс и верный путь Джекки. В попытке спасти своих близких и себя, Джекки идёт на серьёзный риск – ставит на кон всё, что у неё есть: относительную безопасность, собственную жизнь и жизни, за которые она в ответе. Путь, который она избирает, в итоге определяет не только её судьбу – он кардинально влияет на множество человеческих судеб.

Anne Dar

Неуязвимая

Посвящается N.

Глава 1

2094.08.01

Я пыталась вспомнить, но воспоминание ускользало. Возможно, причиной тому была моя уже ставшая привычной невнимательность, с которой я слушала Доди. Хотя я прожила с ней под одной крышей всего две недели, привычка отключать слух наполовину всякий раз, когда она открывает свой густо покрашенный перламутровой помадой рот, успела стать одной из моих подсознательных реакций: держаться подальше от открытого пламени, не шататься на краю обрыва, слегка глохнуть в присутствии Доди... Привычки. Человек привыкает ко всему...

Стоящая передо мной продуктовая тележка уже укомплектована под завязку, не хватает только сухого молока. Необходимо найти определенную марку – от других кожа Доди покрывается аллергической коркой. Если ошибусь с выбором, она решит, будто я сделала это специально, мне же, на самом деле, опускаться до любого вида пакостей – малокалиберных или крупнокалиберных – претит. Подозреваю, она прекрасно понимает это. Как и понимает то, что от Лив такого великодушия она в жизни не дожждётся.

Взяв со стеллажа одновременно две упаковки сухого молока разных марок, я начала гипнотизировать этикетки, стараясь воссоздать в своей голове эхо голоса Доди, но всплывало только: “Сухое молоко, Джекки. Обязательно купи марку...”. Какую марку?.. Вместо ответа – ничего не значащие, булькающие ноты, вылетающие из-за пухлых шлепающих губ ненатуральной блондинки.

– Джекки, смотри! – стремительно приближающийся голос Лив мгновенно вырвал меня из транса. – Чипсы со вкусом сметаны и лука! Последняя упаковка отыскалась, – сестра приблизилась ко мне с большой упаковкой чипсов знакомого сине-салатового цвета. Сметана с луком – наш любимый вкус.

– Нам выдали деньги только на покупки из списка. Насколько я помню, чипсов в списке нет.

– Вот ведь... – мгновенно нахмурившись, Лив опустила руку с упаковкой. – Если бы отец давал нам такие же хорошие карманные деньги как раньше, вместо того, чтобы спускать их на свою любовницу и её отпрыска, мы могли бы позволить себе купить даже две упаковки чипсов, и на леденцы бы ещё хватило.

– Она отцу больше не любовница. И отпрыск не только её, – кажется, я выразилась достаточно строгим тоном. – Ладно, куплю тебе чипсы из своих сбережений. Клади в тележку.

– Ура! – подпрыгнув на месте, в следующую секунду Лив подскочила к тележке и со всего размаха швырнула в неё свои чипсы. – Я ещё за шоколадными конфетами сбегая, ладно?

Прежде чем я успела возразить или согласиться, Лив уже развернулась в направлении отдела со сладостями. Ну ладно. Пусть порадует. Главное чтобы эта радость не очень дорого мне обошлась – в прошлый раз она уломала меня купить ей скейтборд, на который, по итогу, она встала не больше трех раз. В конце концов пришлось начать пользоваться этим подарком самой, чтобы мои труды не простаивали впустую.

На протяжении пяти месяцев я подрабатывала консультантом в книжном магазине – остатки заработной платы с тех времён всё ещё лежат в моём кармане и, кажется, воодушевляют мою младшую сестру даже больше, чем меня. Может быть потому, что в силу своего возраста или даже темперамента ей для счастья необходимо меньше, чем мне?.. Что-то мне подсказывает, что причина может заключаться и в другом. Но дальше подозрений я пока ещё не заходила.

Решив, что в моих руках всё же не те упаковки сухого молока, которые необходимы Доди, я вернула их на стеллаж и начала изучать другие марки этого продукта. Фоном вдруг включилась привычная мелодия рекламы сети гипермаркетов “Shok-j”. Эта сеть открылась в Канаде всего пять лет назад, но за относительно непродолжительное время своего существования успела стать самой популярной в стране, а мелодичные мотивы её рекламы теперь знали все канадцы от малого до великого. Неосознанно я начала подпевать знакомые слова: “Мы знаем, что вам нужно, мы знаем, что вы любите*...” (*We know what you need, we know what you love...). Впервые я услышала этот напев пять лет назад, когда родители привели меня на открытие первого гипермаркета “Shok-j” в Калгари. Мне было всего двенадцать лет, шестилетняя Лив осталась дома с

тогда ещё живыми бабушкой и дедушкой – родителями отца. Сестра неосознанно променяла наш заранее запланированный поход на полуденный сон. В качестве компенсации родители купили ей большую плюшевую лису, я же в тот день оторвалась по полной программе, съев целых семь шариков мороженого при входе в супермаркет. В тот день отец с матерью были какими-то особенно улыбчивыми, раздобрившимися и даже влюблёнными...

Схватив очередную упаковку сухого молока, я неосознанно сильно сжала её в своей руке, так, что она даже немного помялась. Увидев это, я быстро ослабила хватку, чтобы не нарушить целостность картона. Странно. За семнадцать лет своей жизни я пережила столько потрясений, что меня, кажется, уже мало пугают катастрофы масштабных характеров, но при этом развод родителей, с момента которого миновало уже больше года, до сих пор неприятно задевает мои нервы. Великое Африканское землетрясение в двенадцать баллов, чудовищные цунами Аравийского и Андаманского морей, вспышка нового штамма хвори-S-15 в Южной Америке, несостоявшаяся война между Канадой и США, приведшая к постройке десятиметровой стены протяженностью в восемь тысяч четыреста восемнадцать километров, сейчас же решается вопрос присоединения Аляски к Канаде, а тем временем в США и, кажется, уже даже в Европе вновь вспышка какой-то новой болезни, вроде как лишаящей инфицированных здравого рассудка. Впрочем, об этом пока ещё в Канаде известно мало: до нас долетают только новостные ласточки вроде тех, которые щебечут, будто бы вирус, вызывающий сумасшествие, нам не страшен благодаря десятиметровой стене, строительство которой как нельзя вовремя завершилось в прошлом году. По этой теме вообще мало что известно наверняка, так как вирус начал терзать США всего пару дней назад, однако с каждым днём о новой напасти говорят всё больше и громче: всевозможные блогеры распространяют разнообразные и весьма красочные фейки о мародерстве в США, и чуть ли не о том, что человечество собирается помереть от зомби-апокалипсиса. Люди в Канаде, конечно, за прошедшую неделю заметно поднапряглись в связи с тревожными вестями, просачивающимися через великую стену, которая нас якобы защитит от любого соседского чиха. Даже обычно занятый более насущными проблемами отец за последние пять дней забил свои подвал и гараж всевозможным продовольствием, начав с соли и закончив памперсами. Доди в ответ на отцовский прагматизм крутила своим наманикюренным пальчиком у виска, мне же его рвение перестраховаться нравилось, но я не спешила его поддерживать. Потому как одно мудрое решение с его стороны никак не сглаживало череду его бездумных поступков. И всё же... Землетрясения, наводнения, около военное напряжение, вирусы, а меня по-настоящему задевает только давно пережитая травма. Как будто и не прожила эти болезненные

полтора года. И вроде же отпустила уже, так в чём же причина?.. Ответ на этот вопрос сейчас находился прямо перед моими глазами: я выбираю сухое молоко для Доди. Она могла бы и сама купить. Но между вариантами остаться с чрезмерно счастливо улыбающимся младенцем и походом в магазин я не колебаясь выбрала тот, что теоритически мог хоть как-то ослабить моё напряжение, а заодно и напряжение Лив.

Наши родители безответственны. Это бесспорно. Да, они взрослые люди, да, в жизни случаются разные непредвиденные ситуации, к примеру: люди живут, а потом умирают, люди дружат, а потом предают, или любят, а потом разлюбивают. Последний вариант – наш случай. Но почему он случился – это уже другой вопрос, ответ на который я до сих пор не могу найти. Может быть поэтому у меня до сих пор и побаливает временами. В гораздо меньшей мере, конечно, чем у Лив, но всё же до сих пор.

О том, что на протяжении последнего полугода существования нашей семьи, отец за нашими спинами состоял в отношениях с незнакомой нам женщиной, младшей него на целых одиннадцать лет, мы узнали безжалостно внезапно. Гром среди ясного неба так не поражает, как поразило меня то, с какой лёгкостью за последним нашим совместным ужином он вдруг выдал фразу: “Дорогие мои, мне нужно вам кое-что сказать: я влюблён не в вашу маму”. Может быть он предпочёл бы продолжать скрывать свою тайную интрижку до бесконечности, вот только Доди забеременела от него. Скорее всего, она с чётким расчётом подошла к организации этой беременности. Подозреваю, этого расчёта нашему отцу прежде было не предугадать, а отныне никогда не понять, при его-то высоком интеллекте.

Родители развелись быстро, а уже через шесть месяцев после злосчастного ужина, расколовшего мою подростковую жизнь на “до” и “после”, новая миссис Киттридж родила нашему отцу сына. Отец обеспеченный юрист, много работает и столько же зарабатывает, так что ни с разводом, ни с содержанием новой семьи у него проблем не возникло даже несмотря на то, что его молодая жена только и занимается тем, что усердно выкачивает из него всю финансовую составляющую его личности. В самом начале короткого бракоразводного процесса она пробовала уговорить отца поделить с нами имущество, но здесь отец, каким-то чудом, устоял – оставил нам с матерью большую трехкомнатную квартиру в Калгари, автомобиль и ежемесячное пособие на несовершеннолетних детей.

Первые полгода после развода мать пребывала в сильно подавленном состоянии. Её апатия завершилась неожиданно резко: однажды она услышала от близкой подруги, будто отец уже начал уставать от выходок молоденькой жены и подаренного ей ему, безуданно кричащего младенца. После этих сильно приукрашенных вестей мать словно ожила: сделала новую причёску, сменила гардероб, сошлась на работе с каким-то мужиком по имени Чарли, которого мы с Лив до сих пор видели всего лишь два раза. Она настолько ушла в свои новые отношения, что заметно подзабыла на меня с сестрой. Теперь мы обедали и ужинали без неё, сами занимались домашним хозяйством и, по сути, полноценно общались с единственным оставшимся в нашем пространстве родителем только в те выходные, в которые этот родитель не уезжал с Чарли куда-нибудь подальше за город. Две недели назад она впервые отправила нас пожить к отцу и Доди, а сама направилась в сторону залива Джеймс, чтобы понежиться там в лучах летнего солнца в компании Чарли. Ещё год назад она предпочла бы вскрыть себе вены, нежели отдать нас на проживание под одну крышу с этой “мелированной парикмахершей”, как она любила обозначать Доди, а сейчас уже была рада возможности избавиться от меня с Лив на целый месяц, пусть даже избавление это исходило со стороны всё той же Доди.

Теперь я здесь, выбираю молоко для распушенной стервы, неспособной сходить за продуктами самостоятельно. Как же быстро меняется жизнь. Даже не хочется думать о том, что будет через месяц, когда я уеду в Ванкувер. У Лив явно будут проблемы с принятием факта моего отъезда. Когда она узнала о том, что меня с первой попытки приняли в университет, на который я заглядывалась последние пару лет старшей школы, она чуть не разревелась. И хотела бы я сказать, что это были слёзы радости за успех сестры, но это были не они. Лив не хотела, чтобы я уезжала. Она хотела, чтобы я, как единственный до сих пор не предавший её человек, осталась рядом с ней, возможно даже навсегда и даже несмотря на то, что это, конечно, было бы неправильно. Я не могла отказаться от желаемого мной университета Ванкувера, променяв его на университет Калгари, лишь из-за того, что родители разошлись, а Лив слишком остро реагирует на этот мир. Она даже к нашему единокровному брату относится чрезмерно остро: чуть ли не ненавидит его, думая, будто именно он явился причиной развода наших родителей. Хотя я к годовалому мальчику и отношусь с неприкрытым безразличием, всё же враждебное к нему отношение Лив уже дважды вынудило меня снизить до объяснений ей одной простой истины: этот ребёнок не виноват в разводе наших родителей. Возможно, виновата одна охладевшая к своему мужу женщина и ещё одна женщина, падкая на чужих мужчин, и, безусловно, виноват один катастрофически легкомысленный мужчина, но в произошедшем определённо точно не виноват младенец. Однако даже с учётом случившихся

разъяснительных бесед моего авторства, до Лив словно не доходит эта простая истина. Она с головой ударилась в бунт. Не так давно она предстала передо мной и матерью с выкрашенными в фиолетовый цвет волосами, и заявила, будто отныне её волосы будут такого цвета все-гда. Матери, всецело увлеченной своим романом, было по барабану на заявление одиннадцатилетнего подростка, я же решила, что сестре просто необходимо время, чтобы свыкнуться с мыслью о том, что что бы она ни сделала, отныне привлечь к себе внимание кого-то из наших родителей ей будет крайне сложно – даже фиолетовые волосы ей в этом деле не помогут. И всё же прошло уже три месяца, а Лив всё так же ходит с фиолетовыми волосами и возвращаться в свой светло-шоколадный цвет не спешит.

В целом, быстро приближающийся сложный пубертатный период у Лив на лицо. Я-то ещё более-менее продолжаю справляться с этим периодом, в чём мне неожиданно помогает возложенная на мои плечи ответственность – присмотр сначала за разбитой, а затем ударившейся в любовные игры матерью, учёба, спорт, ведение хозяйства, подработка в книжном магазине, забота о младшей сестре – но у Лив нет такой психологической и физической нагрузки. Вместо этого у неё есть масса свободного времени, а в сумме с её импульсивным темпераментом это, как мне кажется, может быть чревато последствиями. Эта её неустойчивость должна бы напрягать родителей в первую очередь и в последнюю очередь меня, но, судя по всему, родителей жизнь их младшего ребёнка вообще никак не интересует, зато я только и думаю о том, как же Лив уже через всего лишь один месяц будет вынуждена без меня справляться со всем этим эмоциональным хламом: с разводом родителей, с вхождением в стадию подросткового возраста, с моим отъездом. Подозреваю, что Лив всё же устроит, предавшим её детские надежды родителям, если не весёлую совместную жизнь, тогда весёлую совместную проблему. И заодно меня подцепит. Как родственной своей мечущейся душе груз.

Откатив тележку немного назад, я принялась изучать ещё один стеллаж с сухим молоком, в надежде вспомнить название необходимой марки, но фоном назойливо вспоминалось только далёкое прошлое.

Оставив нас в Калгари, отец, упаковав свою беременную возлюбленную, как будто специально забрался жить подальше. На все свои сбережения купил для своей новой семьи красивый двухэтажный дом средних размеров на самом краю небольшого города с населением всего в пятьдесят пять тысяч человек. Место, правда, он выбрал очень красивое: черта густого леса начинается чуть ли ни

сразу за задним двором, где-то неподалеку, вроде как, есть озеро, сам город пересекает искусственная река, кругом полно зелени и свежего воздуха...

Отец всегда стремился жить поближе к природе. До моих десяти лет наша семья тоже жила в частном доме, в очень красивом пригороде в Саскачеване. Отец так сильно стремился растить детей на лоне природы, что в результате увлекся настолько, что в моём десятилетнем возрасте, в тайне от матери, стал водить меня на охоту и рыбалку, прикрываясь выдуманными историями об обычных вылазках на природу. Когда мать однажды, совершенно случайно, узнала от его лучшего друга о том, что я, оказывается, метко стреляю по уткам – подстрелила лишь трех – и ловлю рыбу – здесь успех насчитывался несколькими десятками особей – она пришла в настоящий шок и потребовала от отца, чтобы он “немедленно” прекратил обучать меня этому “ужасу”. По её мнению, девочке не пристало забавы ради губить живых существ – вообще-то, мы ели этих якобы отловленных отцом, а не мной, существ на ужин. Отец, конечно, расстроился, но сдался на волю матери, мне же было всё равно, так как особого наслаждения от охоты и рыбалки я никогда не испытывала, отдавая предпочтение спорту. Чуть позже у отца случился резкий карьерный рост, в результате которого мы оказались в Калгари, и о наших “пиратских” занятиях, как он их называл, мы позабыли: он стал работать двенадцать часов в сутки, а я занялась сначала бегом на длинную дистанцию, затем взяла параллельные занятия в секциях по карате и волейболу. Пару раз в год мы захаживали в тир, и хотя я показывала хорошие результаты, стрельба меня так и не заинтересовала. Зато теперь у него появился сын. Которого можно будет растить на природе. С которым можно будет охотиться и рыбачить, ведь Доди наверняка будет наплевать, где и что делают эти двое, лишь бы только они не перенапрягали её своим присутствием. И что он в ней только нашел?.. Хотя понятно ведь что. У Доди грудь четвертого размера, ноги от ушей, пышные губы, томный взгляд и, плюс ко всему этому, ей всего лишь двадцать девять лет. Она младше матери на целых восемь лет и старше меня всего лишь на двенадцать, как выразилась Лив. И всё же наша мать кажется мне гораздо красивее. Большеглазая, высокая шатенка, однако, как и Доди, не блещущая интеллектуальными способностями. Это отец у нас умный юрист (не равно мудрый человек), сумевший сколотить успешную карьеру в сложном бизнесе. Мать весь отрезок своей трудовой жизни проработала средненьким секретарем в трех разных фирмах. Доди же кроме своей парикмахерской, да ещё постели, больше тоже нигде не способна себя проявить. Получается ли, что отцу нравятся красивые простушки? Получается. Красив ли он сам? Хотя он и не урод, всё же он совсем не красив. Просто умный мужик при бабках. Зато в моём лице и лице Лив получился отличный микс из двух противоположных людей. Мы обе отличаемся острым умом, передавшимся

нам в наследство от отца, у нас обоих большие глаза матери. И хотя высоким ростом и крепким, точеным телосложением я пошла в мать, в то время как Лив унаследовала некоторую худощавость и, подозреваю, средний рост отца, всё же со стороны, мне кажется, мы походили на кровных сестер. А вот Кей, сын Доди, хотя ему пока всего лишь год с небольшим хвостом, совсем не кажется мне похожим на нас. Светлые волосы и большие темные глаза он точно скопировал у Доди. От отца мальчишка унаследовал разве что улыбку.

Сознание внезапно пронзила мысль: а что если Кей не последний их ребёнок?..

Об одном только представлении того, что помимо Лив и Кея у меня ещё может быть неограниченное количество братьев и сестёр с обеих сторон родителей, меня вдруг перекосило. До сих пор я даже не подозревала о том, что не хочу становиться сестрой ещё кому-либо, и вдруг, стоя напротив стойки с сухим молоком, меня словно холодным током пронзило. Не хочу.

Схватив со стойки первую подвернувшуюся упаковку сухого молока, не читая этикетки я отправила её в тележку. Если Доди не понравится мой выбор – пусть ходит в магазин самостоятельно. В конце концов, она ведь так сильно старается казаться приветливой мачехой. Из кожи вон лезет.

...Лив вышла из-за стеллажа с напитками, держа в руках большущую шоколадку. Наверное, выбрала самую дорогую, чтобы наверняка насладиться вкусом. Криво ухмыльнувшись этому, я уже приподняла ладонь, чтобы дать сестре знак о том, что мы заканчиваем с покупками, как вдруг молодая женщина, стоявшая с корзиной покупателя между мной и приближающейся Лив, резко рухнула на пол. От неожиданности я застыла на долю секунды, но как только увидела Лив бросающейся на помощь женщине, сразу же отскочила от своей тележки и тоже подбежала к упавшей. Первая мысль: обморок или сердечный приступ. Однако стоило мне приблизиться к упавшей, как я всем своим нутром почувствовала, что что-то здесь не так.

Женщина, конвульсивно корчась в позе эмбриона, зажимала руками свои уши, словно они доставляли ей чудовищную боль.

– Что с Вами, миссис?! Что с Вами?! – Лив, стоя на коленях и прижимая к груди шоколадку, пыталась допросить страждущую. В ответ женщина вдруг страшно закричала таким высоким голосом, словно ей в уши раскалённые иглы воткнули. От испуга Лив резко отпрянула и завалилась назад. Я же напротив приблизилась к женщине ещё ближе и, встав на одно колено, коснулась её плеча. Продолжая стенать и сильно жмуриться, женщина начала извиваться, словно старалась втереть себя в плитку.

– Сейчас!.. Сейчас мы Вам поможем! – я постаралась успокоить женщину, но её страдальческий стон продолжал неумолимо нарастать. – Лив! Лив, позови на помощь... – прежде чем я договорила фразу, я обернулась и замерла от испуга: глаза Лив, смотрящие в соседний зал, были переполнены ужасом.

Устремив взгляд в загипнотизировавшую сестру сторону, от увиденного я забыла как дышать: весь соседний зал был усыпан корчащимися в конвульсиях людскими телами. Продавцы, покупатели и даже несколько детей – все лежали на полу держась за уши... Наверное, я на несколько секунд оглохла, потому что их крики долетели до меня не сразу, словно из-под толщи воды. Этот ужасающий звук – сумма десятков болезненных криков – с каждой секундой нарастал. Я неосознанно убрала свою руку с плеча извивающейся подле меня женщины и именно в этот момент она взорвалась криком такой чудовищной силы, что у меня зазвенели перепонки.

“Началось!”, – единственная мысль, которая пронеслась в моей голове за секунду до того, как, вскочив на ноги, я бросилась обратно к своей тележке.

Что началось?!.. Я не смогла ответить себе на этот вопрос.

Сорвавшись с места вместе с тележкой, огибая корчащуюся женщину, я схватила за шиворот всё ещё пребывающую в шоке Лив и, буквально вынудив её встать на ноги, крикнула ей, чтобы она бежала за мной. И она побежала.

По пути к выходу мы миновали ещё двух корчащихся и страшно орущих людей – мужчину и женщину. У обоих из-под ладоней, прижатых к ушам, струилось что-то алое... Кровь?.. Неужели это кровь?..

Не останавливаясь ни на секунду, оглушаясь стуком собственного сердца, я пролетела мимо кассы даже не задумываясь над тем, что мне не следует вывозить из магазина тележку, не заплатив за её содержимое. Лив без лишних вопросов последовала за мной, её нервное дыхание, гулко звучащее прямо за моей спиной, было на грани срыва.

Вынырнув из дверей гипермаркета, я, сама того не ожидая от себя, резко затормозила. Лив моментально врезалась в мою спину. От представшей перед нами картины мои глаза округлились до предела.

Вся парковка была усыпана человеческими телами. Только половина из них корчилась так же, как те, что остались в гипермаркете. Вторая половина не проявляла признаков жизни. У многих на руках, зажимающих уши, на щеках и шеях виднелись кровавые следы. Внезапно я увидела четверых людей, стоявших в разных концах парковки с не менее ошарашенными выражениями лиц, чем было у меня самой. Один из них, крича благим матом даже громче корчащихся людей, пытался трясти упавшую пожилую женщину, в эти секунды не проявляющую никаких признаков жизни.

– Что это?.. – чуть ли не скуля, внезапно громко всхлипнула Лив и поспешно схватилась за моё предплечье.

Резко развернувшись, я взглянула в глаза сестры и, увидев в них детский страх, вдруг очнулась. Внутри меня что-то явственно щелкнуло. Неосознанный предохранитель, который внутри людей отвечает за сдерживание животных инстинктов. Он отключился.

Схватив сестру за предплечье с силой, которая явно причинила ей боль, я заставила её взяться за тележку:

– Держи её! Вот ключи от машины... – при этих словах я бросила поспешный взгляд на наш автомобиль, удобно припаркованный сразу у выезда с парковки. – Разгружай тележку в багажник! Делай быстро и аккуратно, чтобы больше вместились!

– А ты?!..

- Как только закончишь - возвращаешься в магазин с тележкой и сваливаешь в неё все продукты без разбора!

- Но...

- Бери воду и консервы! Товары первой необходимости и то, что будет храниться дольше! Понятно?!

- Но, Джекки...

- Делай что говорю! Тебе понятно?! - я с ещё большей силой встряхнула сестру за плечи. От боли она вскрикнула:

- Понятно!

- Пошла! Быстро! Быстро!

Прежде чем я успела вернуться в магазин, Лив уже бежала в сторону нашего автомобиля.

Мы сделали пять заходов. Вывезли одиннадцать тележек с едой и напитками, товарами первой необходимости. На панике схватили даже алкоголь, сигареты, жвачки и презервативы. Во время последнего захода я обчистила аптечное отделение, под кассой которого лежал мёртвый парень.

Мёртвых было очень много - больше половины тех, кто рухнул на пол. Остальные долго приходили в себя, а когда всё-таки возвращались в реальность, начинали мародёрствовать наравне с нами. Вскоре магазин наполнился разоряющими полки людьми. Большинство мародёров прибежало с улицы. Мы с Лив успели забить наш автомобиль только на большую половину, но на шестой заход я не осмелилась: стоило мне захлопнуть заднюю дверцу автомобиля, как я увидела вбегающую в магазин толпу крупногабаритных мужчин. С каждой минутой возвращение становилось всё более опасным. Я решила больше не рисковать и призвала Лив сесть на переднее сиденье. Оттолкнув обе наши

тележки подальше на парковку, я невольно зацепила одной из них лежащую на соседнем парковочном месте женщину. Она смотрела в небо пустыми глазами. Не выжила. Но не выжила после чего или из-за чего?.. Мысленно попросив у нее прощение за задевшую её тележку, я со скоростью молнии оказалась за рулём и прежде чем накинуть на себя ремень безопасности нажала кнопку блокировки всех дверей. Стоило мне только это сделать, как Лив вскрикнула из-за резкого удара в её окно: мимо пробежали двое мужчин, один из них держал в руках биту. Тот, что покрупнее, единожды дернул дверную ручку со стороны Лив, но поняв, что дверь заперта, сразу же незаинтересованно отстранился. Я боялась того, что второй решит воспользоваться своей битой не по назначению, но вместо того, чтобы брать силой наш автомобиль, парни бросились к автомобилю напротив. Двери этого автомобиля оказались незапертыми. Парень с битой сел за руль, второй парень нырнул на соседнее сиденье. Ещё несколько секунд, и они, страшно скрипя тормозами, покидают парковку на украденном автомобиле, по пути наезжая на женский труп.

От шока меня моментально пробрало до осязаемой дрожи.

– Мамочки... Джекки... Нам нужно домой... Джекки... Нам срочно нужно домой! – испуганно-жалобный писк Лив в очередной раз выдернул меня в реальность.

Мы, как и те парни, воры... Осознание накрыло с головой. Что может быть за мародёрство двум несовершеннолетним подросткам? Мой отец мощный юрист, он разъяснит мне, он поможет... Нам срочно нужно домой!

Нажав на педаль газа, я, как и те двое парней, стартовала с места преступления с оглушающим скрипом из-под колёс, но, в отличие от них, не забыла объехать труп неизвестной женщины. Впрочем, дальше с объездом непредвиденных препятствий стало сложнее.

За пределами парковки человеческих трупов, как и полуживых людей, оказалось в десятки раз больше. Город буквально “лежал”: оглушенные люди на обочинах, на газонах, в съехавших в кюветы автомобилях и даже посреди дороги. Кто-то переехал труп, лежавший на встречной полосе, и тот превратился в кровавое месиво. От этой картины меня внезапно затошнило, я сразу же попыталась перевести взгляд в противоположную сторону, но там, куда я посмотрела, ещё два трупа – молодая пара – лежали друг на друге. Не выдержав, я застонала вслух. С каждой секундой зрелище окрашивалось во всё более страшными красками, отчего мои нервы явно начинали сдавать...

Лив, не говоря ни слова, вдруг отстегнула свой ремень безопасности и забилась в пространство под сиденьем. Как я прежде не додумалась заставить её сделать это?!..

До дома мы добирались в два раза дольше привычного времени. Последние метры преодолевались мной в полубморочном состоянии.

Выйдя из машины, я сразу же согнулась напополам и, врезавшись руками в колени, начала судорожно выворачивать наизнанку содержимое конвульсивно сжимающегося желудка. Меня рвало не меньше минуты.

Когда тошнотворные спазмы прекратились, я, пошатываясь, приблизилась к открытой водительской двери и вытащила из её кармана бутылку с водой.

Тщательно прополоскав рот и убедившись в том, что до обморока дело всё же не дойдёт, я обошла автомобиль и начала буквально выколупывать Лив из-под сиденья. Она не хотела выходить. Прижимая руки к ушам, она стонала. В какой-то момент я испугалась того, что она страдает от той же напасти, которая случилась с людьми в городе, но вскоре поняла, что у неё всего лишь испуг. Я сама была дико напугана... Даже не могла понять, что говорю и что отвечает мне Лив... Наконец сумев вытащить её из машины, я заставила её взять одну из сумок с продуктами и тащить её домой. Сама же я взяла в руки две восьмилитровые бутылки с водой. Зачем заставляла нас это делать? Не знаю. Просто нужно было что-то делать...

На подходе к дому я подумала о том, что, может быть, не стоит разгружать автомобиль, может быть, всё наладится, и украденные продукты необходимо будет вернуть в магазин с извинениями, и даже компенсацией...

Не успела я переступить порог дома, как пожалела о том, что не оставила Лив в машине. Стоило мне лишь толкнуть приоткрытую входную дверь, как перед нами предстал отец. Он лежал на лестнице, ведущей на второй этаж, и ничего не видящим взглядом смотрел куда-то вверх. На его щеках запеклась кровь, вытекшая из ушей...

Он был мёртв.

Я переступила порог. Обе бутылки выскользнули из моих рук. Одна покатилась по коридору. Чтобы не смотреть на тело, лежащее на лестнице, я следила за катящейся бутылкой, как вдруг... Она ударилась в вытянутые человеческие ноги. Это были ноги Доди, в её любимых, махровых тапочках – торчали из гостиной. Она тоже была мертва. Я не сомневалась в этом.

– Папа... – голос Лив позади меня прозвучал ошеломленным шепотом, и в следующую секунду я услышала, как удерживаемый ею пакет с продуктами падает на пол. – Папочка... Что... Что... Что...

Шок. У неё шок... Я схватилась за голову и вдруг почувствовала, как мои волосы в буквальном смысле встают дыбом, а кожа холодеет и покрывается мурашками. Шок. У меня... Шок?..

Упав на колени, Лив на четвереньках проползла от порога до одеревенелых, неестественно вытянувшихся ног отца, и вдруг взвыла. С каждой секундой её вой нарастал и вскоре стал походить на собачий...

Внутри меня за считанные секунды разросся невообразимый в своей силе ужас.

Лив начала драть горло одним долгим: “АААААА!!!”.

Я не могла пошевелиться.

Я ничего не могла... Как вдруг. Откуда-то сверху послышался плач. Детский плач...

Лив никак не отреагировала, а я вся резко встrepенулась. Буквально перепрыгнув сначала через сестру, затем осторожно-испуганно миновав труп отца, я, переступая через две ступеньки, помчалась наверх.

Детский плач становился всё более отчётливым. Он доносился из дальней спальни. Ворвавшись в неё с наверняка всклокоченными волосами и диким взглядом, я увидела Кея лежащим в колыбели и надрывно орущим...

Подбежав к колыбели на сверхчеловеческой скорости, я резко схватила ребёнка на руки и начала его осматривать. Живой. Живой! Он живой! Просто обделался...

Поэтому плачет... Ведь поэтому?! Не потому, что ему больно?!

Я с ужасом начала осматривать его уши. Никаких кровоподтеков...

Ребёнок вдруг начал успокаиваться. Я прижала его к себе. Он начал с любопытством смотреть на меня. Прежде я никогда не брала его на руки, хотя он часто лез ко мне...

Сзади послышался шорох. Я резко обернулась. Лив, бледная, словно привидение, стояла в дверном проёме.

- С ним всё в порядке, - мой голос прозвучал странно. - Кажется, просто обделался.

- Я только что попробовала дозвониться до мамы, - её голос звучал потеряно, младенец её сейчас как будто даже не интересовал. - Ни она, ни Чарли не поднимают трубки.

- С ними всё хорошо... С ними должно быть всё в порядке... Это что-то... Что-то в этом городе случилось. Они же на другом конце Канады сейчас.

- Думаешь?

Я ничего не ответила. Кажется, я врала и не хотела дважды повторять ложь.

- Джекки, что нам делать? - она снова начинала скулить сквозь слёзы.

Что делать?..

Что делать?..

Что нам делать?..

Произошло что-то страшное. Непоправимое.

Посмотреть телевизор?.. Залезть в интернет?... Позвонить в службу скорой помощи?..

Собрать максимум вещей, погрузить все запасы в более просторный отцовский минивен и отправиться в Калгари? Мама наверняка туда направится, если только она ещё...

Или запереться в доме и никому не открывать? Тогда что делать с отцом и Доди? С ними же что-то нужно делать?.. Нужно? Что?.. Нет-нет-нет... Не хочу. Даже представлять.

До Калгари несколько часов езды по трассе. Что сейчас происходит на дорогах? А в самом Калгари?..

Голова Лив была опущена, её плечи вздрагивали при каждом новом всхлипе... Мальчик в моих руках снова разрыдался. Мне самой вдруг захотелось плакать. Захотелось проплакаться до состояния отупения. С этой целью я запрокинула голову в ожидании облегчающего фонтана из глаз... Но я не смогла заплакать.

Что-то сломалось.

Глава 3

10 лет спустя.

Ещё пара часов, и первый день последнего летнего месяца перетечёт в вечерние сумерки. За эти два часа мне либо повезёт встретиться со своей добычей, либо придётся возвращаться домой только с одной трофейной куропаткой. Лучше бы мне повезло. В этом году с добычей заметно сложнее, чем в предыдущем, а ведь до холодов ещё далеко. Если животные продолжают игнорировать эту часть леса, мне придётся заходить дальше, а это небезопасно. Особенно небезопасным это мероприятие станет после выпадения снега.

Мысли о пока ещё кажущейся далёкой зиме моментально нагоняют пасмурную погоду на моё настроение. Пытаясь избавиться от этой нежелательной тяжести, я неосознанно провожу рукой по своим коротко остриженным и перекрашенным из натурального тёмно-шоколадного в искусственный бордово-красный цвет волосам. Через величественную крону широкого и удобно разветвлённого для лазанья дуба, на котором я, затаившись, сижу уже второй час, пробиваются лучи идущего на закат, летнего солнца. Ненавязчиво скользя по моему лицу, они едва уловимо согревают и спасительно разгоняют мысли о пока ещё далёком, однако неизбежном холоде.

С момента Первой Атаки миновало уже десять зим. Мы всё ещё остаёмся в живых. Если верить последней и крайне неоднозначной новостной сводке, точный срок давности которой я уже давно забыла, семидесяти пяти процентам населения всей Северной Америки так не повезло. Скорее всего, похожая ситуация развернулась не только на нашем континенте, но во всём мире: 25% выживших от общей численности населения земного шара. И этот подозрительно пессимистичный процент, конечно же, с каждым годом тает. И всё потому, что те, кто должен быть заинтересован в спасении человечества, заняты неустанным уничтожением последних признаков надежды на спасение.

Мировое сообщество учёных из различных областей лишь спустя две недели после Первой Атаки выдало людям ответ на терзающий их – фактически и формально – вопрос о том, что происходит, хотя ответить на вопрос о том, почему это происходит, как и придумать толковое противоядие, антидот, вакцину или хотя бы формулу для чего-то подобного, они так и не успели. На протяжении же этих двух первых, самых сложных и страшных недель в истории существования человечества, люди продолжали ежедневно, сотнями тысяч, умирать из-за Звуковых Атак, всегда случающихся в разное время суток и рандомное количество раз в сутки. Единственным, что объединяло все Атаки, было то, что каждая из них неизменно длилась ровно шестьдесят секунд. Самой распространённой причиной смерти человека, подверженного Атаке, обозначили разрыв сердца. Те, кто был уязвим к Атакам – 75% населения, – на протяжении шестидесяти секунд слышали на максимальных мощностях некий ультразвук, который неуязвимые к Атакам люди – 25% населения – никак не распознавали своим слухом и потому оставались невредимыми. Происхождение этого феномена так и не обнаружили, но зато успели дать ему грозное название “Атака” – словно на человечество кто-то или что-то напало в стремлении истребить его большую часть. К концу первой недели с момента Первой Атаки в Новом Мире появились и другие необычные понятия. Уязвимыми наименовали тех, кто страдал от Атак, Неуязвимыми же называли то меньшинство, на которое

Атаки не оказывали ни малейшего влияния. На десятый день после Первой Атаки учёные выступили с заявлением о том, что вычислили одну характерную черту, объединяющую всех без исключения Неуязвимых: все эти люди рождены в зодиакальных знаках, относящихся к стихии воздуха. То есть Неуязвимыми были официально обозначены все рождённые в зодиакальных знаках водолея, близнецов и весов. Остальные девять зодиакальных знаков были обозначены Уязвимыми. Почему “воздушные” знаки зодиака неуязвимы перед Атаками никто понять так и не успел, зато в предсмертной агонии люди достаточно быстро выявили один спасительный для них нюанс: если во время Атаки Уязвимый касался Неуязвимого, его муки заметно сокращались и в итоге он неизменно выживал, хотя и бывали случаи, когда от невыносимой ушной боли Уязвимый слишком сильно корчился, из-за чего его было сложно удержать даже Неуязвимому. В результате самые чувствительные Уязвимые погибли в первый же месяц после Первой Атаки. Выжили только предприимчивые, злые и живучие.

Государств больше нет. И городов тоже больше нет. Однако в Новом Мире достаточно быстро появились новые формирования, так называемые коалиции – немногочисленные союзы Уязвимых, обычно включающие в себя от пяти до пятнадцати человек, до зубов вооруженных огнестрельным и колюще-режущим оружием, а также животной жаждой к жизни и торговле. Таких Уязвимых называют трапперами. Трапперы – охотники на Неуязвимых.

Вскоре после того, как мир поделился на Уязвимых и Неуязвимых, а после узнал о методе притупления боли Уязвимых при их физическом контакте с Неуязвимыми, Неуязвимые подверглись травле и резне, которые быстро переросли в настоящую охоту.

Сначала Уязвимые брали Неуязвимых в плен: чем больше Неуязвимых касалось одного Уязвимого во время Атаки, тем меньше этот Уязвимый страдал. Каждый Уязвимый хотел страдать как можно меньше. А значит хотел иметь как можно больше привязанных к себе, обычно против воли, Неуязвимых. Сначала жаждущие избавиться от мук Уязвимые запирали “раздобытых” ими Неуязвимых в подвалах или пристегивали их наручниками к трубам, чтобы во время очередной Атаки иметь возможность держаться за свой “спасательный круг” как можно крепче. С учётом же того, что в сутках Атаки случаются от одного до четырнадцати раз с неопределёнными интервалами между друг другом, в самом начале Уязвимые чуть ли не “срастались” со своими пленниками. Но прошло ещё какое-то время, и Уязвимые выяснили, что для того, чтобы пережить Атаки с наименьшими муками, им не обязательно держать при себе живого

Неуязвимого. Мёртвого Неуязвимого им оказалось более чем достаточно. Да и с мёртвым Неуязвимым удобнее, чем с живым: он не сопротивляется, за ним не нужен круглосуточный присмотр, нет надобности таскаться за ним и его самого таскать за собой тоже нет необходимости. Всё просто, как дважды два: украшаешь свою шею, запястье или пальцы, а лучше всего себя с ног до головы, изделиями из волос, ногтей и костей Неуязвимых, и во время Атак только стонешь да морщишься, вместо того, чтобы погибать от разрыва перепонки и сердца. Такие спасательные для Уязвимых “украшения” зовутся артефактами. Самыми продуктивными производителями артефактов являются охотники за головами Неуязвимых – трапперы. Таким образом круг существования человечества замыкается: змея начинает пожирать свой собственный хвост.

Не знаю, как в других частях света, но на моей территории, по итогу первого десятилетия существования нового, страшного мира, трапперов гораздо больше, чем Неуязвимых. Иногда мне даже кажется, что в округе переловили всех Неуязвимых, за исключением нас. И тем не менее, даже не имея добычи, здешние трапперы никуда не уходят. Может быть потому, что им, как и нам, попросту некуда идти.

На протяжении девяти последних лет я прослушиваю четыре радиоволны трапперов – именно столько местных коалиций насчитывает этот вымерший подчистую город. Коалиции носят названия в виде цифр, которые соответствуют количеству состоящих в них людей: №5, №7, №9 и №15. То есть во всём городе сейчас, без учёта нас и ещё потенциально возможных, но маловероятных, хорошо прячущихся Неуязвимых, на постоянной основе обитает тридцать шесть человек. Сначала местные коалиции, как и все трапперы, занимались отловом Неуязвимых заботясь лишь о своей безопасности, но вскоре после того, как у них стало достаточно артефактов для комфортного переживания Атак, они занялись охотой на Неуязвимых с целью их продажи на артефакты. Благодаря доступу к их радиоволнам, я досконально знаю все их расписания: когда, кто и какую территорию патрулирует.

Радиоволны, удача, ловкость и выгодное расположение на карте помогают мне выживать день за днём, месяц за месяцем, год за годом.

Местные коалиции трапперов в основном состоят из садистов, психопатов и откровенных маньяков, так что ежедневное прослушивание их грязной болтовни – дело не из приятных, но необходимых для выживания. Территорию, на которой мы выживаем, контролирует коалиция №5. Она самая немногочисленная, а

значит, самая безопасная. Из-за-того, что людей в этой коалиции мало, свою территорию они “пасут” невнимательно, а про её окраину, на которой мы обитаем, они и вовсе не вспоминают. Поэтому случается, что на их территорию часто заходят члены трех других коалиций или коалиций из соседних городов, что, в большинстве случаев, остается незамеченным для коалиции №5, но не для нас. Всякий раз, когда на плохо охраняемой территории коалиции №5 объявляются непрошенные гости, мне приходится не спать сутками, находясь в готовности дать бой. Но это малая цена за спокойствие. Могло быть и хуже. К примеру, меня и моих уже давно могли бы пустить на артефакты. Но мы ведь продолжаем жить. Только зачем?.. Чтобы выживать? Это ужасно, но другого варианта ответа на этот вопрос за десять лет нашей жизни в Новом Мире я так и не отыскала.

Коалиция №5 стала для нас не просто залогом выживания. Люди, составляющие её, стали для меня словно близкими знакомыми, реальной близости с которыми я никогда бы не пожелала ни себе, ни другим. С ними что-то не так. Не знаю, что именно, но это что-то, что заставляет смотреть на них с подозрением не только меня, но и их друзей из других коалиций – это понятно из их заочных переговоров по рациям. Эта пятерка состоит из пяти колоритных личностей, предпочитающих вместо личных имён использовать клички. Их лидером является крупный мужчина с гулким грудным басом – кличка Мускул. Далее по степени авторитета идёт звонкий женский голос по кличке Волос, затем парень по кличке Тонкий и ещё две девушки, совсем молоденькие, под кличками Сомнение и Крик. Крик, похоже, самая младшая, эдакая тихоня и даже серая мышь – непонятно, почему ей в итоге дали такую яркую кличку. Может быть её кличка результат сарказма, кто знает. В любом случае, этих пятерых я ни разу не видела в лицо. Только слышала их голоса, несколько раз издали видела их силуэты, иногда даже с интересом слушала их пустую болтовню, и радовалась тому, что территория, на которой находится наше на первый взгляд заброшенное убежище, принадлежит этим пятерым. Если бы эта территория принадлежала любой другой коалиции, нас бы уже давно изловили, расчленили и продали на артефакты – необязательно в такой последовательности.

После того, как на Неуязвимых началась открытая охота, я по-подростковой глупости решила всё же попытаться уехать из города, даже несмотря на то, что ехать было некуда. В Калгари соваться Неуязвимым было опаснее, чем оставаться здесь, но и оставаться на месте мне тогда казалось слишком опасным. Сначала я хотела уехать на более новом автомобиле Доди, затем пересела в машину отца – оба варианта обернулись фиаско. На протяжении следующей недели я бегала по соседним гаражам и парковкам, но ни один

автомобиль из десятков опробованных мной так и не завёлся. Гораздо позже я узнала от Данте о том, что автомобили вывелись из строя примерно спустя три недели после Первой Атаки. Он был инженером и знал о чём говорил – человечество осталось без машин. Видимо, звук Атак каким-то образом влиял и на определенную технику, однако не на всю. Рации, к примеру, продолжали исправно работать. В принципе всё, что заряжалось от солнечных батарей или малокалиберных батарей, функционировало исправно. Тем ценнее стали для нас рации, фонарики и, главное, батарейки, которые, кстати, закончились у нас на прошлой неделе. Без новых пополнений батареек мы рискуем уже на днях остаться без фонариков, что будет очень больно. С этим тоже нужно что-то делать.

С запасами оружия и патронов пока что проблем не предвидится: в наличии одна двустволка с глушителем и два ящика патронов, в каждом по пять сотен единиц. И хотя эти запасы тоже не вечны, я знаю как минимум два подвала, при посещении которых смогу их восполнить. Внешние заправки – это то, без чего нельзя оставаться. В случае возникновения острой необходимости покидания убежища, снаружи у нас заранее организовано несколько “тревожных тайников”.

Что касается хозяйственных товаров – в самом начале мы награбили их по соседним домам столько, что, кажется, нам хватит ещё на пару лет, если только Лив чётко ведёт учёт. С водой всё тоже лучше, чем могло бы быть. Её мы добываем из колодца, расположенного в прилегающем к нашему соседском дворе. Прежде единственными соседями отца и Доди являлась пожилая пара эко-активистов. Колодец, качели и окончательно одичавшие цветы всех мастей на территории их заднего двора теперь смотрелись действительно экологично, гармонично и даже сказочно. Тела этих двух чудаков до сих пор лежат в спальне на втором этаже в их полностью заросшем вьюном доме. Я нашла их там, когда обшаривала их дом в поиске туалетной бумаги, которой у них оказалось с запасом на полгода: очевидно, перед Первой Атакой, которую эти двое так и не пережили, у них так же, как и у многих в то время, случилась паническая атака относительно продовольствия. Обчистив их кладовую и подвал до последней нитки, мы не бедствовали дополнительные полгода. Но сколько бы мы не забрали из этого дома и других домов, все ресурсы имеют неприятную закономерность заканчиваться. Особенно ощутимо они начали истощаться уже спустя два года после Первой Атаки. К тому времени магазины, склады, все квартиры и частные дома были подчистую вычищены и Уязвимыми, и Неуязвимыми. Большую часть добычи трапперы вывезли из города на печально известные кровавыми зрелищами ярмарки. Продукты питания быстро стали на

вес золота. Никто теперь их не производит – остались только ненасытные потребители. Даже трапперы голодают, не то что Неуязвимые. Я же заранее предвидела приход к критической точке, а потому успела подготовиться – ещё одна причина, по которой мы всё ещё живы.

Сначала охота на дичь не приносила никаких плодов. По-настоящему везло, если за один месяц удавалось подстрелить хотя бы одну утку или словить в неубедительные силки невнимательного зайца. Приходилось учиться на ходу: стрелять, ловить, пронзать, выуживать, освежевывать, готовить и даже есть дичь. Привыкшим к благам цивилизации, нам давалось это с немалым трудом. Но я переборола сначала себя, а затем и остальных – вскоре каждый из нас умел целиться, спускать курок, попадать, мастерить силки, разделывать и готовить дичь. Поначалу мы перебивались птицей и крупными грызунами вперемешку с более привычными нам консервами, но четвертая после Первой Атаки зима выдалась настолько холодной и голодной, что в итоге мы освоили новую нишу – дикие кабаны. Спустя четыре месяца охоты на этих зверей появился некий опыт: не связываться с секачами и свиноматками, снимать только молодняк, потому как много мяса нам не съесть, оставленные же излишки могут привлечь на нашу территорию хищников, раненый или испуганный кабан может атаковать, а потому лучше всего охотиться в засаде на дереве... Кабаны обожают пастись возле дубов, особенно осенью, когда опадают желуди. Я достаточно быстро, хотя и не без трудностей, научилась выслеживать их, обозначила для себя основные места, которые любит посещать местное стадо, состоящее примерно из пятидесяти особей. Возле дуба, на котором я куковала уже второй час, они появлялись минимум один раз в неделю. По моим подсчётам, именно сегодня они должны появиться. В противном случае я зря потрачу остатки дня, в целом прошедшего достаточно неплохо: я успела наесться дикой малиной, установить новые силки, уложить в рюкзак одного рябчика и приметить новое место обитания белок, в которое можно будет наведаться в случае особо суровой зимы. И всё бы прошло совсем замечательно, если бы в ближайшее время я смогла подстрелить одного-единственного кабанчика в кило эдак десять. Четыре месяца назад Лив научилась пользоваться автоклавом, который я раздобыла в городе, а это, между прочим, ещё один большой шаг в направлении выживания. Запасы консервов из мяса – лучшее, что можно придумать для переживания зимы. Вот только загвоздка в том, что для автоклава необходимо не только мясо – в первую очередь, ему необходима тара. За четыре месяца мы смогли закатать лишь двадцать семь банок с дичью – дальше мы не продвинулись из-за отсутствия в городе стеклянных литровых банок. Кто бы мог подумать, что я буду совершать вылазки в город не за батарейками, спичками, мылом и прочими откровенно необходимыми вещами, а за пустыми стеклянными

банками. Однако именно этим я последние месяцы и занималась. И занималась практически безуспешно, что немного выводило из себя. Раздобудь я, к примеру, сотню литровых банок, и грядущей зимой я могла бы вообще не заботиться об охоте. Но банок необходимого объема в городе практически не осталось: всё либо разбито, либо утилизированно трапперами. И всё же двадцать семь успешно закатанных, не вздувшихся литровых банок – уже больше, чем ничего. По сути, эти банки уже могут кормить нас как минимум весь декабрь. Вот только на одном мясе всю зиму не просидишь, а круп у нас осталось всего-ничего: девять упаковок риса, две упаковки чечевицы и одна упаковка пшена. Мало, но всё равно больше, чем в начале любой весны любого года из семи последних лет...

Лес по левую руку от меня внезапно ожил. Странно. Приближение кабанов, тем более их большого семейства, обычно можно распознать за версту, сейчас же они подошли нехарактерно тихо... Что-то спугнуло стадо? Или кто-то...

Переведя прицел в ту сторону леса, со стороны которой упорно хрустели ветки, я начала ожидать.

Стрелять в первого же или подождать, пока появится возможность выбора?..

Теперь я не только слышала хруст ветвей, но и видела неестественное шевеление верхушек густорастущих молодых деревьев. Слишком сильное... Нет, это не кабаны. Что-то более тяжелое...

Глава 4

Повторно вскинув оружие, я начала целиться в эпицентр раскачивающихся ветвей густого кустарника, ожидая сюрприза в виде медведя, с которым до сих пор мне довелось встретиться лишь единожды и, хвала моей удачливости, эта встреча состоялась на почтительно-безопасном для нас обоих расстоянии.

Только я успела подумать о том, что мчащийся напролом через лес медведь не может предвещать ничего хорошего, как из-за широкого ствола осины вынырнуло две фигуры. Люди... Молодые. Парень и девушка.

От досады я отчётливо прошипела сквозь сжатые зубы. Да лучше бы это была пара десятков разъяренных гризли!

Мне понадобилась секунда, чтобы понять, что эти двое, очевидно, не первые по значимости в списке моих проблем. Они не просто бежали – они мчались напролом, что значит... Это не спортивная пробежка – кто-то повис у них на хвосте.

Стоило мне перевести прицел за спину бегущего след в след за девушкой парня, как я увидела, от кого они спасаются бегством: из кустов вынырнул сначала огромный, лысый амбал, затем ещё один парень, более мелкий, но, в отличие от безоружного напарника, размахивающий устрашающим мачете. Трапперы.

Они догонят этих двух. Девчонка бежит недостаточно быстро, а парень пытается прикрывать её спину... Они обречены.

Итак, каковы мои риски быть увиденной? Процент очень большой. Они бегут прямо на меня. Я сижу достаточно высоко для кабанов, но недостаточно высоко для людей...

Сжав зубы ещё сильнее, я начала осматривать через прицел ту сторону, из которой явились эти четверо. Никаких признаков жизни больше не проявлялось. Получается, их всего четверо: два охотника и две жертвы. Мчатся на меня. Расстояние – пятнадцать метров. В стволе два патрона плюс при мне ещё один десяток. Перезарядка не понадобится, я знаю.

Десять метров.

Амбал нагнал парня и одним резким выпадом повалил его на землю. Теперь я могла рассмотреть траппера лучше, но от этого не стало легче – его руки, шея и даже лицо были украшены зловещими трапперскими татуировками. Девушка, до сих пор бежавшая впереди, сглупила и, вместо того, чтоб продолжить бежать, вернулась, чтобы отбить парня, который всё это время прикрывал её тыл. Она успела лишь раз ударить амбала по голове, чего тот, похоже, даже толком не ощутил, когда её сбил с ног его тощий напарник.

– Мы не Неуязвимые!!! – во всё горло завопила девушка. – Слышите?! Мы не Неуязвимые!!!

– Какая досада, – с откровенной злобой в голосе отозвался амбал, душащий её друга.

– Что ж, раз артефактов из вас не выйдет, тогда твоего парня пускаем в расход, а с тобой, дорогуша, мы сначала хорошенько позабавимся... – тонкий не успел договорить. Я услышала достаточно, да и не хотела, чтобы этот хлам продолжали слушать остальные. Палец без сомнений заставил курок сработать первый раз и... И второй. Амбал только успел понять, что его дружок слетел с девчонки с продырявленной головой – в следующую секунду его собственная голова обзавелась сквозной дыркой.

Когда много лет назад я порешила своего первого траппера, я не знала, как пережить этот стресс. Сейчас знаю. Просто возьму и переживу.

Отскочив от мертвого траппера, девушка бросилась к своему другу:

– Дэвид! Дэвид, ты как?!

Значит, Дэвид. Был у меня один знакомый с таким именем. Жил в Калгари, торговал сахарной ватой, любил своих родителей, хорошую погоду и велотриал. Терпеть не мог нытиков и кошачью шерсть. Интересно, жив ли он ещё?..

Я ещё раз осмотрела все близлежащие кусты: ни единого признака жизни. Кабаны после такой шумихи сюда точно не явятся. По крайней мере не сегодня.

Пока девушка была всецело занята осмотром своего друга, парень, всё ещё держась за шею, уже встал на колени и начал осматриваться, явно ища источник выстрелов. Что ж, пора знакомиться.

– Эй, вы! – направив дуло ружья на своих спасённых, я голосом привлекла их внимание к себе. Парень мгновенно прикрыл собой девушку. Понятно. Сладкая парочка. – Кто такие?

– Просто прохожие, – отозвался парень баритоном с хрипотцой.

Я повнимательнее присмотрелась к своим целям: парень широкоплечий, может чуть ниже меня, мускулистый, можно даже сказать поджарый, с едва заметной

щетиной на лице, девушка длинноволосая, смуглая, внешностью чуть похожа на индейку. Он примерно мой ровесник, она, скорее всего, немногим младше.

– Просто прохожие? Я слышала, как девчонка сказала, что вы не Неуязвимые. Значит трапперы, – при упоминании трапперов в моём голосе просквозили непрекрытые нотки презрения и даже агрессии, а ствол ружья непроизвольно дернулся.

– Мы не трапперы, – мгновенно засуетилась девушка, которой парень не позволил выйти из-за своей спины. – Мы сами по себе.

– Интересно... Интересно, как же вы выживаете без артефактов, если вы Уязвимые, которые сами по себе? – в моём тоне сквозил ярковыраженный скепсис.

– Дэвид Неуязвимый, а я Уязвимая. Я выживаю за счёт него, – девушка отчитывалась за двоих. Позволяла парню сохранять гордость. – Пожалуйста, дай нам уйти...

– Хм... – не опуская ружья, я продолжала оценивать своих заложников. Неуязвимый в паре с Уязвимой? Огонь и лёд. Правда или ложь? Что ж... Пусть будет... Правда.

Резко отведя от них прицел, я запрокинула ружьё назад и, повесив его за спину, ловко спрыгнула с широкой ветки дуба. Они даже не пошевелились. Я выпрямилась. Снова взять их на мушку? Нет, девушка слабее меня точно, парень и вправду чуть ниже, и эта девчонка – его уязвимость. Он не нападёт – слишком занят защитой подруги.

Я начала уверенным шагом приближаться к ближайшему трупу, тому, который сбил с ног девушку. Для разрядки обстановки решила развязать языки:

– Их только двое?

– Не знаем, – на сей раз подал голос парень. – Они появились из неоткуда. Вроде, их всё же только двое.

Подойдя ближе к первому трупу я сразу же увидела нашивку на рукаве его рубашки, которая сообщала о том, что парень является членом коалиции №15. У амбала на воротнике также красовался пятнадцатый номер. Хреново.

Пятнадцатая коалиция самая злючая. Этим двух точно будут искать. И найдут. Если только не спрятать их хорошенько. От одной только мысли о том, каких размеров должна быть яма, чтобы схоронить в ней труп одного только амбала, мне стало неприятно: копать в тяжелой лесной земле часа три, не меньше. И всё же придётся: слишком близко от нашего укрытия эти двое померли. Это безусловно чревато серьёзными проблемами.

Зная о том, что члены коалиции №15 богатые и обычно не ходят с пустыми руками, я нагнулась к первому, чтобы обшарить его карманы. Дэвид, мгновенно среагировав на моё телодвижение, сделал шаг вперед и обеими руками схватил валяющееся между нами мачете. Наши взгляды встретились. Спустя несколько напряженных секунд парень, то ли поняв, что я достаточно опасна, то ли не захотев усугублять ситуацию, медленно засунул добытое оружие за свою спину и заткнул его за пояс. В ответ я коротко хмыкнула и повела плечами, как бы давая понять, что выбор он сделал верный.

У первого траппера я изъяла острый клинок, компас и зажигалку. Не захотев рыться более тщательно, перешла к телу амбала и начала обыскивать его. Мои спасённые выжидательно молчали, даже не пытались выказать желание разделить добычу, а в их положении это стоило бы сделать, ведь видно же, что они то ли плохо подготовлены для своего путешествия, то ли потеряли все свои припасы.

– Куда направляетесь? Если в ближайший город, поспешу вас разочаровать: в нём полно трапперов. Эти двое – лишь малая часть одной из серьёзных коалиций, обитающих на этой территории. А у вас, насколько я понимаю, из оружия при себе только мачете и, может, пара консервных ножей по карманам, – найдя нож в кармане амбала, подытожила я, после чего поднялась и, словив взгляд своего нового знакомого на ружье, висящем у меня за спиной, ухмыльнулась, при этом слегка сдвинув брови. – Даже не смотри на моё оружие, приятель. Ты хоть и мужик, я тебя уложу без вопросов, да и твоей подружке при этом нехило достанется.

При упоминании угрозы для подружки парень мгновенно отвёл взгляд от ружья, хотя и сделал это без энтузиазма.

– Мы направляемся в Подгорный город, – всё же решил ответить на мой давний вопрос он. При этом его кулаки сжались.

– Какой город? – я почти ухмыльнулась. – Подгорный? Впервые слышу о подобном. Что это вообще за наименование такое? Не припомню городов с таким названием на карте Канады.

– Не было, но появился. Этот город образовался после Первой Атаки.

– Чушь. Городов больше как таковых не существует. Только городские останки.

– И всё же один город есть, – продолжал настаивать на своём собеседник.

– Откуда такая уверенность? – я едва уловимо прищурилась.

– Нам рассказал один мужчина, – вдруг подала голос из-за спины своего заступника девушка. – Мы столкнулись с ним в конце зимы. Он был траппером, брел на запад и утверждал, будто там есть город выживших...

– То есть вы двое доверились словам незнакомца-траппера? – не дав договорить ей, я в очередной раз сделала презрительный акцент на ненавистном слове.

– Не все трапперы плохие, – попыталась парировать собеседница.

– Скажи это костям Неуязвимых, висящим на их шеях. – Пожалуй, эти слова прозвучали даже чрезмерно жестко, но я не собиралась задумываться о телячьих нежностях. Слишком многое оставалось непонятным. – Почему вы пошли сейчас? Вы говорите, что того траппера, который рассказал вам об этом вашем Подгорном городе, вы встретили ещё зимой. Если поверили в эту сказочку, почему не отправились туда сразу?

– Две недели назад мы узнали о беременности Талии, – парень непроизвольно повёл головой в сторону девушки. Значит, Дэвид и Талия. – Раздобыли тест на беременность в одном из подвалов аптек, он показал девятую неделю. – Я машинально опустила взгляд на чуть приоткрытый живот девушки, он был практически плоским. Девять недель – это сколько? Третий месяц что ли? Пока ничего не видно. Уловив мой взгляд, парень продолжал. – На протяжении двух

недель мы собирали запасы, готовились к походу. Мы уже семь дней в пути. Своих запасов лишились вчера при побеге от других трапперов. До перевала ещё минимум неделя пути.

Чокнутые какие-то. Но, как демонстрирует практика, только такие, по итогу, и выживают.

– Ну придете вы туда, в этот ваш Подгорный город, а там тоже Атаки, трапперы лежат и периодически корчатся от ушной боли, рано или поздно помирают от разрывов перепонки, что дальше? Думаете, вам там будут рады?.. Чем вам там помогут?

– Там не только трапперы, – вновь заговорила Талия. – По словам нашего информатора, Уязвимые там живут в содружестве с Неуязвимыми.

– Звучит крайне сказочно, – ухмыльнулась я, но моего сарказма, видимо, не уловили.

– Звучит и вправду очень здорово, – просияла Талия.

– Поэтому мы до сих пор и не выходили, – парень нахмурился. А вот он, похоже, мой сарказм уловил. – И не вышли бы. В конце концов, место, о котором мы говорим, подразумевает собой социум. Мы прекрасно знаем, как выживать вдвоём, а вот чего ждать от остальных – это всегда шарада с большим вопросительным знаком, – его взгляд снова скользнул по торчащему из-за моей спины дулу ружья. – Но выбор у нас небольшой. Неуязвимый только я, Талия же Уязвимая, а это значит, что Атаки могут плохо сказаться на ребёнке и даже прервать беременность, – на этих словах парень как будто даже немного побледнел. – Ребёнок, по подсчётам, должен родиться в конце февраля. То есть тоже будет Уязвимым.

– Если только вы не спровоцируете преждевременные роды, – выдала вариант решения задачи я. Напряженные взгляды обоих собеседников мгновенно замерли на моём лице. – Вы ведь думали об этом, правда?

Неужели они не думали?..

– Это слишком опасно, – наконец ответил Дэвид.

– Не опаснее, чем родиться Уязвимым и всю оставшуюся жизнь корчиться от Атак.

– Или родиться Неуязвимым и всю оставшуюся жизнь прятаться от жаждущих расчленить тебя трапперов, – парировал парень.

– При таком раскладе в нашем мире вообще лучше не рождаться, – спокойно сказала я, даже не задумываясь о том, что неосознанно говорю о возможности искусственного прерывания беременности, и о том, как мои собеседники могут отреагировать на очередной вариант решения задачи. Узнать же их реакцию мне так и не посчастливилось, хотя, по резко поджавшимся губам Дэвида, можно было предположить, что об аборте не может идти и речи...

Резко согнувшись наполовину, Талия вдруг с высокой нотой в голосе схватилась за уши. В следующую секунду Дэвид уже держал её обеими руками, но она всё равно сначала упала на колени, после чего поспешно завалилась на бок и скрутилась в позу эмбриона. Атака. Сама того не понимая, наблюдая за муками девушки, я начала отсчёт: шестьдесят, пятьдесят девять, пятьдесят восемь, пятьдесят семь... Досчитав до сорока пяти, я вдруг вспомнила о том, что способна помочь, и сразу же подалась вперёд. Как только моя рука коснулась плеча девушки, лежащей на палых и пожухлых листьях дуба, страждущая вдруг прекратила издавать звуки, походящие на писк прижатого ко дну глухой бочки зверька, и широко распахнула глаза. Было видно, что ей заметно полегчало, хотя и не отпустило до конца.

Так близко Уязвимого во время Атаки я давно не видела.

Миновали последние сорок секунд. Атака завершилась, о чём сообщила нам сама Талия, вяло отстранив от своих ушей выдающие дрожь ладони. Ей понадобится ещё какое-то время, чтобы окончательно прийти в себя. Минута, а может пять минут – у всех “отпущение” проходит по-разному. Поднявшись с корточек, я поправила сползшее ружьё за своей спиной и вдруг заметила, что Дэвид, не поднимаясь, чтобы не отстраняться от Талии, смотрит на меня в упор. Меня так и подмывало узнать, что в эти секунды у него творилось на уме, но я решила дождаться.

- Иди с нами, – наконец выдал он и сделал это таким тоном, словно от моего ответа зависела судьба всего остатка человеческой расы.

- Чего? – не без удивления ухмыльнувшись, повела бровью я.

- За последние десять лет Талия ещё ни разу не переносила Атаку так легко.

- Предлагаешь мне стать телохранителем твоей подружки? Мило.

- Ты не только Неуязвимая – у тебя ещё есть ружьё...

- Да уж, плоховато вы собрались в поход, ребята, – проигнорировав информацию о том, что они потеряли свои припасы накануне, вынесла неутешительный вердикт я. – У вас нет оружия, а трапперов по пути на ваш запад больше, чем червей после ливня.

Я набиваю себе цену? Скорее всего. Зачем? Что моё подсознание задумало за спиной моего сознания?..

- Это предложение – всего лишь благодарность за наше спасение, – Дэвид выпрямился, оставив Талию возвращаться в норму внизу. Мне вдруг понравились его каре-зеленые глаза, оказавшиеся ко мне чуть ближе. Они были добрыми. Как можно оставаться добрым в этом рухнувшем к хренам мире?.. – Мы бы не поделились с тобой столь ценной информацией о городе выживших, не прикончи ты этих трапперов, – он слегка взмахнул рукой, предположительно указав на пару трупов, лежащую за моей спиной. – Хочешь – иди с нами, вдруг и вправду где-то там впереди нас окажется город, в результате чего ты перестанешь ныкаться по лесам, как потенциальная добыча трапперов. Не хочешь – прощай.

Прежде чем заговорить, я немного помолчала, при этом слегка оттянув лямку ружья:

- Уже вечер. Ты сказал, что свои запасы вы потеряли ещё вчера. Значит, вы голодны и, скорее всего, вам в срочном порядке необходимо решить проблему с водным балансом. Плюс ко всему впереди прохладная ночь. – Я хорошо подумала, прежде чем произнести следующие слова. – Предлагаю вам укрытие до наступления рассвета, с гарантией безопасности с моей стороны.

Подумав лишь пару секунд, парень вдруг протянул мне свою мускулистую руку:

– Ты уже знаешь наши имена. Представься же и ты нам.

Я с силой, не меньшей силы своего собеседника, пожала доверительно протянутую мне руку:

– Меня зовут Джекки.

Глава 5

Мне ещё ни разу не приходилось перед выходом из леса поднимать правую руку вверх. Этот условный знак, до сих пор считающийся бесполезным, был придуман для стрелка: если правая рука поднята, значит что-то не так, но стрелять всё равно не нужно. Если бы я подняла вместо правой левую руку, выстрел прозвучал бы мгновенно. По крайней мере, я хотела бы надеяться на то, что стрелок, в ожидании моего возвращения из леса, не сильно отвлекается на чтение книг и комиксов, которые я ему периодически преподношу после своих ежемесячных вылазок в город. Обычно парень забирается на чердак сразу после моего ухода и спускается оттуда с моим возвращением, заполняя свободное время между этими двумя пунктами моего назначения чтением разножанровых книг, чем порой слишком уж увлекается. Однажды я вернулась, а он даже не заметил этого. Тоже мне, прикрывающий тыл... Хотя, что взять с одиннадцатилетнего мальчишки? Впрочем, я всё же лелеяла надежды на его счёт. Брала его с собой на охоту уже три раза в неделю вместо двух, пыталась научить его основополагающим азам отслеживания зверя, но обучение всё ещё шло туго.

Кей очень бойкий, энергичный мальчишка, за неимением большого выбора хобби обожающий быстрый бег и книги. У него очень пытливый ум. Этот парень круглосуточно готов учиться чему-то новому. Однако у него есть одна проблема, которая в прошлом мире не составила бы для него серьёзных затруднений, но в новом мире всерьёз может стоить ему даже жизни. Я не уверена в этом на все сто процентов, но парнишка, вроде как, дислексик. Несмотря на то, что он хорошо читает, считает и пишет, и всему этому он научился с минимальным количеством обучающих занятий с моей стороны – до пяти лет я его ещё учила,

после он стал самообучаться по специальной литературе, раздобытой мной в разбитой местной библиотеке – всё же у него были заминки, которые я заметила не сразу. Ему было около шести лет, когда я впервые обратила внимание на то, что он не просто не умеет завязать шнурки на своей обуви, но реально не может состыковать один шнурок с другим, хотя и старается при этом изо всех своих сил. Вспомнив о лучшем друге отца, который однажды рассказывал нам о своём племяннике дислексике и его проблемах со шнурками, я занервничала и начала присматриваться к парню. Уже в мелком возрасте он читал даже быстрее Лив, умел безошибочно складывать в уме двузначные числа, быстро писал под диктовку сказки и при этом выводил буквы приемлемым для ребёнка почерком. Но шнурки завязать не мог. Его пальцы попросту не были способны состыковать две веревки. Проблемы с координацией вскоре проявились в виде ещё одного серьёзного пункта: парень путал направления. Сколько бы я ни пыталась его обучить, к каким бы хитростям ни прибегала, Кей неизменно терялся перед определением правой и левой сторон, и, по итогу, действовал с промедлением, всегда наугад, при этом зачастую так и не угадывая верное направление. Кроме неспособности вязать узлы и отличать “право” от “лево”, а север от запада, у Кея больше не было проблем. По крайней мере, я больше не выявила.

На первый взгляд проблемы Кея с координацией и некоторой путаницей в направлениях света будто бы поставили на его великом будущем охотника серьёзный крест. И всё же я отказываюсь сдаваться, а потому продолжаю настаивать на своём: однажды взяв в руки двустволку этот парень научится попадать не в единицу, а в десяточку. Он уже изредка попадает в двойку или тройку. В конце концов, у нас, вроде как, ещё есть время для обучения. Если же меня не станет слишком рано для того, чтобы он смог позаботиться о себе, по крайней мере он сумеет прокормить себя ягодами, грибами и рыбной ловлей, в которой он проявил себя даже лучше Лив. Парень выживет. Даже без меня и особенно без Лив. Бедная Лив... Ей за эти годы досталось очень сильно. Она дважды всерьёз едва выкарабкалась живой из истощающих организм лап сильнейших гриппов, семь лет назад заблудилась в лесу и провела в нём трое суток без еды и воды пока я, наконец, не отыскала её изнемогающей от жажды в пяти километрах от нашего дома, однажды в городе её в плечо подстрелил траппер, после чего она лишь благодаря чуду избежала сначала фатальной потери крови, затем заражения крови. Шрамов на её теле больше, чем на моём: огнестрельное ранение – результат столкновения с траппером во время нашей вылазки за медикаментами; след от укуса на щиколотке – результат встречи с одичавшей собакой; сильный ожог на запястье – от сломавшейся газовой горелки; тонкий порез вдоль всего левого трицепса – падение в яму с разросшимся кустом дикого шиповника; ещё один порез чуть выше правого

локтя – случайное падение на собственный нож. Лив очень проворная, за счёт своей более мелкой комплекции может быть даже поворотливее меня, и тем не менее шрамов она себе за эти годы насобираала целую коллекцию.

В отличие от Кея, стреляет Лив отменно. Она обожает хвастаться своей меткостью перед мальчишкой, используя для этого холостые патроны и самодельные мишени, и тем не менее охотиться она не любит. Вернее, не любит заходить в лес. Случайно пролетающего мимо дома голубя она безошибочно снимет одним метким выстрелом – я лично видела разорванную тушку этой птицы, прибитой из моего начищенного ружья, – или может повыбивать белок из ближайших зарослей орешника, но в лес заходить она боится и потому изо всех сил избегает этого мероприятия. Говорит, что её раздражают слишком громкие голоса птиц, но я понимаю, что проблема кроется глубже. Страх перед лесом у неё появился ровно семь лет назад, после того, как она, заблудившись в нём, безрезультатно пыталась найти дорогу домой, при этом не имея при себе оружия, еды и воды. Когда я отыскала её на закате третьего дня, она была дико напугана и проплакала, обнимая меня, с полчаса минимум. С тех пор в лес она заходить боялась, но вслух признаваться в своём страхе не желала, а потому грешила на чрезмерно громкое пение птиц, якобы сводящее её с ума и отвлекающее от охоты.

Фобия перед лесом Лив и хромающая координация Кея фактически делали их заложниками положения: теперь они оба зависели от моей удачливости на охоте. Кей, понимая этот факт не хуже Лив, ежедневно пытался перевесить чашу весов независимого существования в свою сторону: каждый день тренировался сбивать банки с дальнего расстояния при помощи холостых пуль или камней, выпускаемых из профессиональной рогатки, продолжал упорно мастерить получающиеся у него неказистыми силки и уже третий год пытался сплести мне в подарок фенечку (дальше пятого узла так и не продвинулся). В дни, в которые я не брала его с собой в лес, он играл в защитника моего тыла, поджидая моего возвращения с тренировочным оружием, способным стрелять только холостыми пулями. Лив же, вместо того, чтобы справляться со своей фобией, сосредоточилась на том, в чём она ощущала себя лучшей и что помогало ей оставаться вне борьбы со своими страхами: силки, ловушки и заточки. Она делала их поистине искусно. Силками и ловушками она баловалась только внутри нашего убежища и по его периметру, при том, что их применение в лесу было бы сложно переоценить, зато её заточки часто сильно помогали нам при вылазках в город. Заточки она делала из столовых приборов, из сломанных ножек табурета, из прутьев детской кровати, из стволов молодых деревьев и веток кустарника – практически из всего, что поддавалось точению. Её орудия

получались гладкими, лёгкими, острыми и красивыми, благодаря украшающей их резьбе. Я с удовольствием пользовалась некоторыми из них, чтобы отдать дань стараниям сестры, но в основном с ними баловалась сама Лив. В результате таких недетских игр она с легкостью научилась метать смертоносные орудия так, как я стрелять из ружья – точно в яблочко с впечатляюще большого расстояния. Думается мне, что если на наше укрытие когда-нибудь нападут трапперы, прежде, чем они испытают мою меткость, они, скорее всего, падут от искусства Лив. Я в этом практически не сомневаюсь потому, что уже видела сестру в деле. Однажды она уложила в городе сразу двух трапперов, при этом не моргнув и глазом, пока я, моргая, раздумывала о возможных путях отступления. Если бы не её уверенность в тот момент, нас бы двоих сейчас уже не было в живых – болтались бы артефактами на шеях более расторопных трапперов.

Главной защитницей, добытчицей и в принципе деятельницей в нашем небольшом сообществе считаю себя я. И тем не менее на сегодняшний день Лив убила на трех трапперов больше, чем я. Хотя теперь наш разрыв достиг одного траппера. Сегодня я прикончила сразу двух. Стоит ей сообщить об этом моменте и тем самым сбить с неё спесь – гордость за каждого приконченного траппера в Лив просто зашкаливает. С каждого убитого ею траппера она обязательно срывает артефакты, после чего “захоранивает” их в одном облюбованном ею месте на окраине леса. Меня же убийства, пусть даже конченных трапперов, не воодушевляют, и той символичности, которой наделяет их Лив, я им не надаю. Скорее наоборот – чувствую усталость после каждого подобного случая, пусть их всего и было почти ничего: несколько капель в океане погибающего человечества. Лив думает, что убивая трапперов она освобождает души тех людей, кости которых они носят на себе, как украшения, и параллельно спасает их потенциальных жертв. В моём же понимании убийство человека – траппера ли, не траппера ли – есть убийство человека, и ничего благого оно из себя не представляет. В этом мы сильно отличаемся: Лив способна идеализировать даже убийство, я же не способна идеализировать даже менее тяжкие грехи.

...Наш дом полностью зарос плющом, от фундамента до самой крыши, что очень сильно помогает нам с маскировкой: прячущееся в зарослях строение практически не привлекает взглядов тех, кто ищет себе добычу – в первую очередь трапперы обращают своё внимание на более доступные постройки. Привыкшие к своему звериному преимуществу над Неуязвимыми, они склонны желать лёгкой добычи и, в большинстве случаев, находят её. Потому наш дом, стоящий на самой окраине города, впритык к лесу, заросший труднопроходимым кустарником, высокой лесной травой вроде папоротника, мелкими деревцами и

вездесущим вьюном, их привлекает меньше всего. Ведь в таких дебрях легко наткнуться на неприятности: осиное гнездо или змеиное логово. Поэтому природа – лучшая маскировка. Сливаешься с природой и месяц за месяцем, год за годом выживаешь прямо под носом у хищников. Адреналин, конечно, зашкаливает, но как же это гениально: хочешь что-то спрятать – спрячь это на видном месте. Мы спрятали себя. В целом доме, почти вросшем в лес. И всё же в первую очередь это удача. Если бы автомобили не вывелись из строя, если бы я попробовала выехать из города, где бы мы сейчас были и были бы мы сейчас вообще?.. Этот дом – наше всё.

Мы пользуемся только чёрным ходом – лицевая часть дома полностью заросла и сейчас завалена всяким хламом, главную дверь едва ли уже откроешь без применения лома. Прежде чем переступить порог привычного входа, я посмотрела под ноги: растяжка Лив едва была заметна, но я знала куда смотреть. Наступлю на леску: рухнет полка с кастрюлями, дальше у меня будет лишь пять секунд, чтобы пригнуться – в противном случае железная заточка вонзится прямо в моё горло. Раз эта растяжка взведена, значит Кей всё же не прозевал моего возвращения и успел предупредить Лив о гостях. Молодец. Отличная работа, и Лив тоже быстро организовалась. На этих двух можно положиться в оборонительных вопросах, с этим не поспоришь. Научить бы их ещё ладить друг с другом и цены бы не было такой команде. И наплевать, что добытчицей продолжала бы оставаться только я.

Дуло ружья, способного стрелять лишь холостыми пулями, едва уловимо выглядывало из-за дверного проёма, ведущего в главную комнату. Судя по тому, как низко оно висело, ружьё удерживал Кей. Значит, Лив сейчас наготове со своими смертоносными дротиками, сюрикенами, заточками, ножами, кунаями или чем-то ещё. Отлично.

– Кей, выходите, всё в порядке! – отчётливо обратилась к брату я, не обращаясь напрямую к сестре, чтобы ещё больше не распалить её. Лив не любит отступать, а потому просить её опустить оружие – всё равно что провоцировать на ожесточенную битву до последнего вздоха. Таков уж её темперамент.

Я нагнулась, чтобы аккуратно обезвредить растяжку, и в этот момент из-за угла вынырнул Кей. Он с неприкрытым любопытством начал рассматривать оставшихся стоять на улице за моей спиной неожиданных гостей, но оружие не опускал. Молодчина.

– Джекки, кто это? – наконец поинтересовался он. Голос его всё ещё был по-детски звонким, до ломки ему, очевидно, необходимо подождать ещё пару-тройку лет.

– Это Дэвид и Талия, познакомься, – обезвредив растяжку, я выпрямилась и в следующую секунду попыталась заглянуть в глаза брата, устремленные мимо меня. В них не было страха, скорее в них отражался некий восторг. От этого немного кольнуло в области сердца. Конечно же я понимала, что Кею не хватает моего общества и общества Лив, что ему хотелось бы общаться ещё с кем-то: с ровесниками или хотя бы с мужчиной, который мог бы стать для него примерной ролевой моделью. Одиннадцать лет прожить в обществе сестёр не имея других друзей или хотя бы дальних знакомых – это, конечно, отстой. Но всё лучше, чем превратиться в артефакт.

– Привет, – поджав губы, едва уловимо помахала Кею рукой Талия, но Кей, замороженный гостями, так ничего и не ответил. Зато из-за второго угла вышла более уверенная в своих социальных навыках Лив.

– Кто такие? – моментально жестким тоном отчеканила сестра. В её руке красовался полуметровый кол, заточенный до предела. За спиной у неё наверняка пряталась россыпь более мелких, но не менее эффективных “игрушек”, как она их называла. В сумраке дома она выглядела, безусловно, устрашающе: взгляд воинственный, с тенями от черного косметического карандаша под глазами, недавно наново выкрашенные в фиолетовый цвет волосы заплетены в неровную, длинную косу, кончик которой болтается на уровне голого торса, в бледных, тонких, но мускулистых руках острое непойми что.

– Опусть свой кол, Лив. Не для того я спасла этих двоих, чтобы ты прикончила их, – спокойно выдохнула я, глядя на сестру сверху вниз. Она так и не выросла выше меня, осталась на целую голову ниже.

К моей просьбе сестра не прислушалась – продолжила стоять, словно вытесанная из мрамора статуя, сжимая своё смертоносное оружие.

– Я сказала опусть это, Лив, – на сей раз мой голос прозвучал твёрдо, с неприкрытой нотой приказания.

Подождав ещё несколько секунд, чтобы не замарать лучи света своей гордости поспешным послушанием, она всё же опустила свой кол.

– Что у нас сегодня на ужин? – сбросив рюкзак с никомушной добычей на пол, поинтересовалась я, решив, что это поможет разрядить чрезмерно напряженную обстановку. – Наши гости наверняка голодны.

– У нас сегодня рагу, – подал звонкий голос Кей, тоже опустивший своё оружие.

– Мы сами не из сытых, чтобы охотно делиться съестными запасами, – мгновенно заметила Лив.

Ну снова она! Не доверяет на пустом месте, это понятно, но могла бы хотя бы на пару минут прикинуться радушной...

Я не успела отреагировать на острое замечание сестры из-за раздавшегося глухого звука за своей спиной. Поспешно обернувшись, я увидела Талию рухнувшей на колени прямо на порог. Перед этим стоявший позади неё Дэвид мгновенно склонился над ней.

Снова Атака?..

– Она Уязвимая! – вдруг вскрикнула Лив и вновь подняла свой кол, но я увидела это только периферическим зрением, потому что уже направлялась к Талии, чтобы коснуться её ладонью. – А парень Неуязвимый?! Они трапперы?! – голос Лив дребезжал от накала эмоций.

– Они не трапперы. Всё в порядке. Кей... – я обернулась и увидела в глазах брата не меньший испуг чем тот, что сейчас звучал в голосе Лив. – Кей, подойди сюда, нужна твоя помощь. Быстро, коснись её.

Стоило мне только объяснить, что от него требуется, как Кей мгновенно оказался рядом с Талией и приложил свободную руку ко второму её плечу. Девушке как будто полегчало ещё сильнее.

– Лив, ты тоже. Подойди. Ей больно... – я обернулась, и увидела в глазах Лив сильное сомнение. – Лив?

Помедлив секунд пять, она всё же подошла. После того, как её ладонь опустилась на голову Талии, той словно совсем стало легко. Надо же. Уязвимая так близко к нам во время Атаки, она не траппер и её боль действительно облегчают наши прикосновения...

Я посмотрела вверх и встретилась взглядом со стоящей над нами Лив. Ей тоже не верилось в это. Нет, даже не так: она не верила в то, что я втянула их в это – подвергла опасности. В её глазах стоял один-единственный, немой вопрос: во имя чего?..

Глава 6

Дэвид пребывал в лёгком шоке от того, с какой лёгкостью Талия перенесла последнюю Атаку. Повторно рассказывая для Лив и Кея историю о Подгорном городе, он то и дело поглядывал на свою подругу неверующим взглядом, а я задумалась над тем, какие же эти двое должны быть закаменелыми антитрапперами, чтобы ни разу не попробовать если не сделать артефакт, тогда хотя бы украсть его. Талия всецело полагалась только на силу неуязвимости Дэвида, но ведь он не всегда у неё под рукой. Или всегда?..

Доев рагу и в третий раз дослушав историю про Подгорный город, и про траппера, поведавшего эту историю этим двум, я отставила свою опустевшую тарелку в начищенную Лив мойку – она слишком увлекалась чистотой кухни и всего, что с ней связано – и отправилась в сторону подвала. Лив нагнала меня в коридоре, возле лестницы, ведущей вниз.

– Ничего не желаешь мне объяснить? – скрестив руки на груди, она прислонилась плечом к стене.

– Два трупа трапперов из пятнадцатой коалиции, которая, очевидно, отныне будет именоваться двенадцатой, с учётом ещё одной их недавней потери, сейчас валяются всего в двух милях от нас. Не мне тебе объяснять, насколько это опасно. Трапперы любят ходить толпой, а коалиция, из которой были эти двое, особо жестокая. Вероятность гостей слишком высока. Их будет больше и они будут вооружены лучше нас.

Я осознанно привирала. Те двое остались валяться дальше, чем в двух милях, и были только при холодном оружии – у пятнадцатой коалиции, после их стычки с коалицией из соседнего города, были проблемы с огнестрельным оружием. Но Лив об этом не знала, потому что не любила заниматься прослушкой радиоволн, которой я не пренебрегала даже несмотря на свою загруженность с охотой.

– Не понимаю, к чему ты клонишь, – сестра наигранно начала рассматривать свой дилетантский маникюр: она неизменно окрашивала свои ногти в фиолетовый и малиновый цвета.

– Всё ты прекрасно понимаешь.

– Нет, не понимаю, – решила поиграть в сопротивление она.

– Завтра мы выходим в направлении Подгорного города. Вместе с Дэвидом и Талией, – мой голос прозвучал уверенно, кулаки слегка сжались. Сестра резко перевела взгляд со своих ногтей на меня. – Судя по рассказу Дэвида, до перевала всего неделя ходу, а дальше не так уж и много...

– Если верить рассказу Дэвида, – оборвала меня сестра отстраненным голосом, но уже в следующую секунду взорвалась эмоцией. – Ты действительно веришь каким-то двум незнакомцам-психопатам, продирающимся сквозь лесные дебри в какой-то несуществующий Подгорный город?! Да что с тобой?!.. Такого города никогда не было на карте Канады, само его название говорит о выдумке! Эти двое либо трапперская приманка, либо сами трапперы!

– То есть ты только что оставила Кея наедине с ними считая их опасными?

Она замерла, но только на долю секунды:

– Ты ведь их привела. Все последствия – твоя заслуга в случае выигрыша в этой безумной лотерее и твоя же ответственность в случае провала.

От услышанного меня передернуло. Лив, несмотря на свою склонность к некоторой жестокости в моменты своей импульсивности, обожала меня, как самого последнего, не считая её самой, выжившего человека на этой планете, хотя она знала и о существовании Кея, и о существовании других

областях души: отвечающей за восприятие реальности и отвечающей за воспоминания. Поморщившись и сжав зубы, я с большей силой, чем рассчитывала, толкнула препятствующую моему проходу дверь, и шагнула в прохладную темноту.

У всех есть прошлое. Моё непростое. За упомянутую Лив его часть мне только больно, но не стыдно. Она ведь это понимает.

Глава 7

Подвал в этом доме был просторным, что позволило мне выделить в нём личный небольшой закуток – облюбованное место, переделанное под подобие рабочего мини-кабинета. Что-то мне подсказывает, что из меня не вышло бы кабинетного работника даже в том, процветающем мире, из которого я была родом, и тем не менее мне было приятно иметь свой личный стол, стул, полки – угол с каким-то специальным оборудованием и только мне понятными записями, зарисовками и расшифровками.

Настроение мне Лив, конечно, подпортила. Хотя, может наоборот: благодаря её колкостям я теперь чувствую не только подобие злости, но ощутимо возросшую решимость. Мне всего лишь двадцать семь лет, я всё ещё молода, сильна и, пусть в текущих реалиях это совсем не важно, но красива. То же касается и Лив, младшей меня на целых шесть лет, и Кея, который ещё даже подросткового возраста не достиг. На нас рано ставить крест! У нас должно быть будущее, в котором будет что-то хорошее, светлое, безбоязненное... Если нет, тогда зачем это всё вообще?! Охотиться, чтобы есть, есть, чтобы выживать, а выживать-то зачем?! Где просвет?! Я столько лет его ищу – целое десятилетие! – и всё никак не могу найти. Так как же можно отказаться от попытки хотя бы проверить этот чрезмерно прекрасный миф о некоем Подгорном городе?! В конце концов, до перевала всего неделя, после перевала ещё максимум неделя – то есть на дорогу туда-обратно мы потратим около месяца. Бесценное время, в случае провала, особенно с учётом риска потери времени на подготовительные работы перед приходом зимы, но абсолютно ничего не значащее в случае успеха. И к тому же, если поход будет успешным, в таком случае речь идёт не о месяце пути, а всего о двух неделях...

Закинув в рюкзак плотно закупоренную бутылку с водой и остатки сухарей, моя рука вдруг зависла над одной из двух стоящих в центре стола раций. Все эти годы казавшиеся мне незаменимыми, эти вещи, в предстоящем походе и при успешном его завершении, мне больше не понадобятся...

Я до боли прикусила нижнюю губу.

Всё же однажды просвет в этой новой реальности, в моей новой, странной и местами страшной жизни, был. В самом начале. Когда я ещё даже не задумывалась о просвете и не искала его, он случился. Лив неправа. Я не обожглась – я познала огонь. Это совершенно разные вещи. Разные состояния.

Однажды, спустя четыре месяца после Первой Атаки, я отправилась в свою одиннадцатую по счёту вылазку в город. Подвалы ближайших домов к тому времени мной уже были обчищены, сама собой возникала необходимость двигаться дальше. Тогда у меня ещё не было раций и доступа к трапперской волне, а значит и информации о количестве трапперов, их территориальном делении, расписания их караулов у меня тоже не было. Да и о самих трапперах к тому времени я знала только то, что успели передать официальные радиоволны до того, как они окончательно вышли из строя, плюс то, что успела несколько раз увидеть в городе, прячась во всевозможных укрытиях. Трапперы уже тогда творили страшные вещи с Неуязвимыми. В те времена на меня работали только внимание и везение. И до тех пор работали исправно.

Благодаря паническим стараниям отца накануне Первой Атаки, вначале у нас были внушительные припасы продовольствия, аккуратно расфасованные в гараже, подвале и кладовой, но, в отличие от тогда ещё слишком мелкой Лив, фанатично верующей в скорейшее разрешение ситуации и возвращение наших жизней в привычное русло, я не заблуждалась на этот счёт: если ситуация не изменится, а я заранее не позабочусь о пополнении запасов, которые пока ещё есть откуда пополнять, тогда к концу уже второго года после Первой Атаки нас может ожидать смерть не от рук трапперов, но от банального голода. До меня это дошло в начале сентября, с первым холодным осенним ливнем. Тогда я заставила Лив начать учёт всех наших продуктовых и хозяйственных запасов, тогда же поставила её главной над этим жизненно важным учётом и тогда же сформировала свой первый чёткий план, суть которого заключалась в добыче пропитания, как в добыче шанса на наше общее выживание. Параллельно я пришла к выводу, что нам будет неплохо занять несколько зачехок вне дома, чтобы все наши запасы не хранились в одном месте: на случай потери дома, что

могло произойти по одной из сотен тысяч вариантов причин, у нас должна быть какая-то подстраховка, путь отступления, запасной план и даже план-D... Так я начала делать свои первые продуктовые тайники, которые, впрочем, за следующие четыре года утилизировались посредством истощения иных источников пропитания – привычная нам еда, как я и предвидела в самом начале, достаточно быстро превратилась в дефицит. Но в самом начале идея с продуктовыми значками процветала...

Близилась наша первая зима после Первой Атаки. Я ещё не имела никакого представления о том, как переживать столь масштабное препятствие, хотя и предчувствовала надвигающиеся крупногабаритные трудности. Из-за этого предчувствия, впоследствии ставшего у меня “сезонным”, в тот раз я и выбралась в очередную вылазку. Снег должен был выпасть со дня на день, после же того, как он ляжет на землю, высовываться на улицу станет опасным из-за следов, долго остающихся на снежном покрове. Даже осенью, пробираясь через кусты, я беспокоилась о своих следах, не забывая их затирать при их наличии, что же станет с моим нервным тиком зимой? Я приходила к выводу, что для того, чтобы не сойти с ума от нервозности, зимой мне будет лучше не высовываться из дома вовсе, вплоть до окончательного схода снега. Так что та вылазка должна была стать последней перед нашей первой тяжелой зимой.

Я направлялась к заранее выбранному дому, расположенному в пятистах метрах вглубь города от нашего дома. В этом доме когда-то жила запасливая домохозяйка. Её останки до сих пор лежат в прихожей – я заперла их там, чтобы трупная вонь не распространялась по дому, но даже запертая дверь справлялась не очень качественно. Трупная вонь ещё на протяжении двух лет нависала над этим городом, а потом, после второй зимы, вдруг исчезла, словно выдохлась. Однако расплодившихся крыс всё ещё оставалось неопределимо много. Благо Лив не дала этим тварям осадить наш дом: в первые же годы она перетравила целую орду наступающих со всех сторон крупногабаритных противников мощнейшим ядом, найденным нами в одном из подвалов бывших элитных многоэтажек. Но пробираясь к намеченному дому тёмно-серым декабрьским днём я думала не о шуршащих в осенней листве крысах. Я думала о семье, которая прежде жила в этом доме. Судя по фотографиям, развешенным по всему дому, у этой женщины до Первой Атаки был обеспеченный муж лет на двадцать старше неё, трое сыновей приблизительно возраста Лив, один мальчишка может чуть младше, и целых три декоративных белых шпица, наверное щедро подаренных каждому из сыновей. Других трупов обитателей этого дома я так и не увидела ни в доме, ни на прилегающей к нему территории. Куда подевались муж, дети и питомцы этой запасливой молодой женщины, так заботливо и аккуратно рассортировавшей

все запасы продуктов, и хозяйственных принадлежностей их на первый взгляд счастливой семьи? Тайна, раскрыть которую я никогда не смогу, да и не желала бы.

Продвигаясь к цели, в уме я перечисляла продовольственные остатки, ожидающие меня спрятанными мной же в узком подвале: десять упаковок риса, пять пачек макарон, двенадцать банок рыбных консервов, девять банок консервированного супа, три упаковки крекеров, упаковка соли, половина упаковки рафинированного сахара, три упаковки чая. Все остальные продукты мы с Лив вынесли за два захода на прошлой неделе. Изначально я планировала оставить эти продукты припрятанными, но грядущая зима так сильно пугала меня, что я всё-таки решила обчистить этот дом до последней нитки. Для этой вылазки я взяла вместительный рюкзак Лив, но саму Лив оставила дома. Я вообще к тому времени брала её с собой лишь трижды, и-то из-за крупных находок, которые не была способна перенести самостоятельно, не сделав при этом несколько заходов на одно дело. Лив тогда ещё была не готова к новой реальности, хотя и отрицала этот факт – изо всех сил пыталась храбриться. Она постоянно старалась доказать мне свою зрелость, но о какой зрелости могла идти речь, если ей только недавно исполнилось двенадцать? Да и Кею было лишь полтора года от роду – слишком мал, чтобы оставаться в одиночестве без риска удариться в плач, который рисковал выдать наше местоположение местным трапперам. Чтобы справиться с этим плачем, мы оборудовали импровизированный манеж на подвальном этаже, единственное окно которого заглушили подушками и, для верности, снаружи заложили кирпичами, которые перенесли из сарайчика с садовыми принадлежностями, из которых Лив в будущем смастерит свои первые, грубые заточки. Но в подвале было холоднее, чем в доме. Электричество и отопление исчезло в первые же недели после Первой Атаки. Мы могли бы топить камин, если бы только не наша обоснованная боязнь быть обнаруженными трапперами. Повезло, что в начале октября я на трехколесной тележке вывезла из одного местного склада десять упаковок обыкновенных свечей шириной с мужской кулак, высотой в метр. На том складе было больше этих драгоценностей, но когда после второго захода я вернулась за остатками, их уже кто-то забрал, что тогда заставило меня поспешно ретироваться петляющими путями, чтобы не привести за собой хвост. В первую очередь для согревания и во вторую для освещения, по вечерам и ночам мы зажигали эти свечи. Одной такой свечи хватало приблизительно на неделю – плюс-минус сутки, в зависимости от того, как рано мы зажигали свечу и насколько поздно её гасили. Для согревания же в середине осени мы перебрались спать в детскую спальню Кея. Это была самая маленькая комната в доме, а потому в ней втроём согреваться удавалось быстрее, чем, к примеру, в

просторной гостиной. Дом быстро остывал ещё и по причине того, что лучи солнца практически не проникали в него – все окна мы занавесили, прибавив над некоторыми одеяла, пледы и даже обожаемые ковры Доди. Приблизительно в середине октября мы начали даже днём надевать на себя десять шмоток, чтобы не мёрзнуть.

С чем нам действительно повезло, так это с гардеробом Доди, под который она выделила комнату в три раза превышающую размеры спальни Кея, что выглядело даже подозрительно: не любила ли эта ветреная женщина своего родного сына чуть меньше, чем свою брендовую коллекцию одежды и обуви? Не хотелось так думать, но подобная мысль всё же закрадывалась в голову при сравнении обстановок двух комнат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dar_anne/neuyazvimaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)